

Ли Сюй быстро доехал до дома семьи Линь. Припарковавшись, он уже собрался выходить, как вдруг зазвонил телефон. Это был Чжан Му. В трубке тот осторожно поинтересовался, не восстановилась ли его рука и не пришёл ли он в себя. Ли Сюй, подумав, примерно понял, в чём дело.

Но в этот раз он не стал отделяться от Чжан Му дежурными фразами.

Всё-таки эти люди — видные фигуры в столичном городе С. Если слишком часто отмахиваться от них, как от назойливых мух, они, хоть и не дураки, рано или поздно затаят обиду.

Даже если они и убеждают себя, что такие таланты, как Ли Сюй, всегда немного со странностями, и что он ещё не самый худший вариант, но если их терпение лопнет, это может плохо кончиться.

Ни в чём нельзя перегибать палку.

— Недавно у меня был один удачный момент, — сказал Ли Сюй. — Но он быстро прошёл. Удачных изделий получилось немного. Если тебе нужно, у меня осталась небольшая часть. Можешь завтра прислать кого-нибудь к стойке регистрации в «Звёздные развлечения».

Куда делась остальная, бóльшая часть, Ли Сюй не сказал, а Чжан Му и не спрашивал. Все и так всё понимали.

Куда ещё? Конечно же, в карман к его драгоценному крестнику. Столько, что тот мог раздавать их другим детям. Чжан Му почувствовал укол зависти.

Но он не мог прямо сказать Ли Сюю: «Хватит отдавать столько ценных вещей ребёнку, которому они не нужны, посмотри лучше на нас, взрослых, живущих в кромешной тьме!»

Что, если Ли Сюй обидится, решит, что его свободу ограничивают, и вообще перестанет творить? Тогда Чжан Му плакать будет негде.

Да и другие семьи его за это по головке не погладят.

Куда делся наш супер-кондитер? Ты его сломал?!

Поэтому им оставалось только угрожать, заманивать, осторожно уговаривать и оберегать. Если Ли Сюй сталкивался с трудностями, они должны были решать их первыми, чтобы не дай бог не повредить хрупкую, как стекло, психику мастера (по выражению Линь Сыняня).

Что поделаться, раз уж их души попали в плен его десертов, и теперь они полностью от него зависят.

Горечь неведения не так страшна, как горечь утраты. Говоря проще, хоть ты и владеешь миллиардами, хоть власть твоя безгранична, ты всё равно остаёшься жалким созданием в красивой оболочке.

Неужели они не понимают, как это унижительно — при малейшем слухе бесстыдно липнуть к Ли Сюю?

«Если бы я никогда не пробовал сахара, я бы думал, что рождён терпеть горечь. Но, вкусив сладость, я уже не могу от неё отказаться», — с этими мыслями Чжан Му как-то смирился со своим положением. Он уже привык подавлять эти внезапные приступы мрачных мыслей.

Нужно быть благодарным и за то, что есть. По крайней мере, в этот раз он позвонил первым. Когда остальные спохватятся, им и обёртки не достанется.

Делиться со всеми? Ни за что. Конфеты — товар штучный, съел одну — и её больше нет. И кто знает, когда у Ли Сюя снова будет вдохновение. Делиться он не собирался. Максимум, даст понюхать для поддержания деловых отношений.

Так рассуждал про себя Чжан Му.

Повесив трубку, Ли Сюй с болью в сердце подумал о том, что ему снова придётся расстаться с частью своей коллекции, которую он так и не решился съесть.

В прошлый раз ассистент случайно смешал все его запасы в одной коробке. С одной стороны, это помогло убедить Чжан Му и Цуй Гуана в его статусе кондитера, но с другой — он до сих пор не мог прийти в себя от этой потери.

Он жил не в доме семьи Линь и не мог видеть малыша каждый день. Каждую вещь, подаренную Фэйфэем, он берёт как зеницу ока. Съедал только то, что быстро портилось, вроде яблок и груш.

И вот, за один раз, одним махом, всё, что он копил полгода, ушло в никуда!

Теперь ему предстояло отдать не только то, что он сберёт, но и часть того, что он накопил за последнее время. Хотя на словах он оставался невозмутим, в душе у него скребли кошки.

Ли Сюй ускорил шаг. Нет, эта душевная боль требует немедленного лечения. Его срочно нужно обнять, поцеловать и потискать Фэйфэя.

Войдя в гостиную, он тут же наткнулся на мягкого, пахнущего молоком малыша. Ли Сюй тут же подхватил его под мышки и поднял вверх.

Фэйфэй, внезапно оказавшись в воздухе, ничуть не испугался. Он замахал ручками и засмеялся.

— Крёстный! Крёстный с работы пришёл?

— Пришёл. Крёстный с нетерпением ждал, чтобы посмотреть на картину, которую нарисовал Фэйфэй, — сказал Ли Сюй, опуская малыша и усаживая к себе на руку. Его плохое настроение тут же улетучилось.

Ладно, ради Фэйфэя можно пожертвовать и этими безделушками.

Ли Сюй, как крёстный отец, теперь считался в доме своим, поэтому семья Линь относилась к нему по-простому.

Увидев картину Фэйфэя, которую ему показал Линь Сынянь, Ли Сюй отреагировал так же, как и остальные: сначала долго восхищался, а потом принялся расхваливать самого художника — от маленьких ручек, державших кисть, до светлой головушки, придумавшей сюжет, и больших глаз, подметивших особенности каждого.

Казалось, в их глазах художественный талант малыша был настолько велик, что если бы он захотел, то золотая медаль на художественной выставке в следующем году была бы уже у них в кармане.

Фэйфэю снова стало неловко от похвал. Он лишь серьёзно повторил:

— Фэйфэй вырос и стал сильным. Теперь он большой и сильный малыш.

Хотя он и не понимал, в чём именно он стал сильнее, но чувствовал — он стал сильнее! Может, и то, что он так хорошо рисует, тоже связано с этим.

Фэйфэй изо всех сил пытался сохранить ясность ума и найти истину в этом потоке лестии.

— Да, да, да, — Ли Сюй погладил Фэйфэя по голове. — Фэйфэй растёт каждый день. С каждым годом он будет становиться выше и сильнее.

Тут Ли Сюю пришла в голову идея измерить рост малыша. Линь Хань, вернувшийся из школы, и Линь Сынянь тут же подхватили эту мысль. Линь Хань откуда-то принёс маленький ножичек и, с энтузиазмом потянув Фэйфэя к антикварному шкафу, принялся тщательно его измерять.

— Братик, что ты делаешь? — с любопытством спросил малыш, послушно прижавшись к шкафу.

— Я измеряю рост Фэйфэя, — ответил Линь Хань и указал на одну из насечек на шкафу. — Видишь, это мой рост, когда я был маленьким. Мне дядя измерял. Было время, когда я два года совсем не рос, каждая новая отметка была всего на чуть-чуть выше предыдущей. Я так переживал, что каждый день бегал и на турнике висел.

И действительно, проследив за пальцем Линь Ханя, Фэйфэй увидел несколько отметок на разной высоте. На самом деле, их было гораздо больше, но они были слишком высоко, и малыш их просто не заметил.

— Тогда и Фэйфэя измерь. Братик, скорее измерь меня, — Фэйфэй поднял ручки над головой и потянулся. — Братик, Фэйфэй вот такой высокий.

— Хорошо, — сказал Линь Хань. Убедившись, что малыш стоит ровно, не жульничает и не тянется на цыпочках, как он сам в детстве, он ещё несколько секунд понаблюдал за ним и только потом осторожно сделал ножом отметку на шкафу.

Пока Фэйфэю измеряли рост, вокруг собрались все остальные члены семьи, кроме Линь Сыняня и Ли Сюя.

— Надо было в первый же день его измерить, — с сожалением сказал Линь Гошэн.

— Да, — подхватила Ян Юйин, тоже с сожалением. Она с укором посмотрела на Линь Сыняня. — В детстве племяннику рост измерять додумался, а как до своего сына дошло, так если бы не Ли Сюй, и не вспомнил бы.

Тут Линь Цзинли взял у Линь Ханя нож, присел и сделал ещё одну отметку примерно на полтора сантиметра ниже той, что только что сделал Линь Хань.

Линь Цзинли уже как-то прикидывал рост Фэйфэя, так что сейчас он сделал это не задумываясь.

— Вырос, — с удовлетворением кивнул Линь Госюн, глядя на две отметки.

Фэйфэй дотронулся до отметок. Услышав слова старшего дедушки, он незаметно выпятил грудь. Фэйфэй стал большим и сильным, конечно, он вырос.

Когда Ли Сюй посмотрел на эти две отметки, он встал, и его взгляд случайно упал на большую банку с конфетами на шкафу.

Он не так давно наполнил её для малыша, почему она так быстро опустела? Полная банка конфет, а теперь на дне осталось всего несколько штук.

Неужели Фэйфэй теперь не только раздаёт конфеты, но и сам их ест?

— В банке конфеты... Фэйфэй много ест? Зубы не испортит? — с беспокойством спросил он у Линь Сыняня.

Линь Сынянь посмотрел на банку и покачал головой.

— Фэйфэй сам почти не ест, в основном раздаёт.

Малыш только первый день пошёл в садик, до этого у него почти не было возможности общаться с кем-то извне. Так что почти вся банка конфет разошлась внутри семьи.

Но одно обстоятельство не давало Линь Сыняню покоя. Он получал от малыша меньше всех конфет! Не просто меньше, а меньше всех!

Даже Линь Хань, который целыми днями пропадает в школе, получал больше!

Краем глаза Линь Сынянь увидел, как Фэйфэй снова подбежал к вернувшемуся из школы Линь Ханю, открыл свой рюкзачок и кармашки и принялся горстями выкладывать конфеты ему в руки.

Это было то самое количество, которое вызывало у Линь Сыняня зависть.

Он стоял всего в трёх шагах от Фэйфэя, но каждый раз, когда начиналась раздача конфет, малыш о нём почему-то забывал! Иногда, если бы он сам не попросил, ему бы вообще ничего не досталось.

Может, кто-то за это время наговорил про него Фэйфэю гадостей?

Взгляд Линь Сыняня скользнул по гостинной и остановился на Линь Цзинли. Ну конечно, это типичное лицо интригана, кто бы ему поверил, если бы он сыграл в кино положительного героя. К тому же, сегодня Линь Цзинли ему угрожал. Линь Сынянь прищурился, круг подозреваемых сузился до одного человека.